

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

на **2021** год

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

Е. Р. Обатнина

**ОБЕЗЬЯНИЙ ЦАРЬ, П. Е. ЩЕГОЛЕВ,
И АРХИВНО-МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО РСФСР
(из материалов собрания М. С. Лесмана)**

Аннотация: В статье рассмотрен сюжет, связанный с образованием Советского музейного и архивного дела, героями которого стали писатель А. М. Ремизов и П. Е. Щеголев, а предметом исследования — эпистолярный документ из коллекции М. С. Лесмана. Письмо Ремизова, адресованное Щеголеву летом 1918 г., анализируется как артефакт, раскрывающий особенности художественного мышления писателя, и ценный историко-литературный источник. Автор статьи вписала этот документ в парадигму ремизовских сочинений эпистолярного жанра, созданных в коннотации с поэтикой Обезьянней Великой и Вольной Палаты, и обнаружила в коллекции М. С. Лесмана прецедент первого случая самоидентификации Ремизова с его экстравагантным героем Обезьяньим царем.

Ключевые слова: эпистолярное наследие А. М. Ремизова, деятельность П. Е. Щеголева, Архивное дело РСФСР, Музей революции, авторская самоидентификация, коллекция М. С. Лесмана.

Abstract: The plot of the article is related to the state formation of the system of Soviet museums and archives. The main characters of the study — the writers A. Remizov and P. Schegolev. The the object of the study is an epistolary document belong to M. Lesman's collection. Remizov's letter addressed to Shchegolev in the summer of 1918 is described as an artifact, revealing the peculiarities of the writer's creative thinking, as well as a historical and literary source of undeniable value. The author of the article introduce this document into the paradigm of Remizov's epistolary genre was created in connotation with the poetics of the Monkey of the Great and Free Chambers and detect the precedent of the first case of self-identification of the writer with the Monkey King, which was born as a literary hero in 1908.

Keywords: epistolary heritage of A. M. Remizov, activity of P. E. Schegolev, Archive of RSFSR, Museum of Revolution, author's self-identification, collection of M. S. Lesman.

В значительной части коллекции М. С. Лесмана, образовавшей в Рукописном отделе Пушкинского Дома личный фонд известного собирателя, среди материалов, связанных с именем А. М. Ремизова, особого внимания заслуживают два автографа, содержание которых выдает

«метонимическое присутствие»¹ одного из самых экстравагантных литературных персонажей в истории русской книжности — Обезьяньего царя. «Его величество царь обезьяний, Обезьян Великий — Валах — Тантарарах — Тарандаруфа Асыка Первый» впервые появился как «действующее лицо» в пьесе «Трагедия о Иуде принце Искаротском», опубликованной в 1909 г. и сыгранной единственный раз на сцене московского театра В. Ф. Коммиссаржевской в феврале 1916 г. под названием «Проклятый принц».² В истории же русской культуры XX в. этому колоритному герою Ремизова принадлежит роль тайного предводителя многочисленного и в то же время фантомного литературно-художественного объединения «Обезьянья Великая и Вольная Палата».³

В собрании Лесмана эпистолярный Ремизова представлен скромным количеством писем,⁴ которое лишь подтверждает народную мудрость о ценности сущностей. «Мал золотник да дорог» можно сказать о единственном письме, адресованном Павлу Елисеевичу Щеголеву 20 июня 1918 г., прежде всего потому, что послание представляет собой «осколок» значительного корпуса корреспонденции писателя, отложившейся в личном фонде известного ученого-филолога и историка революционно-освободительного движения, находящемся на хранении РО ИРЛИ.⁵ Вместе с тем экземпляр из коллекции Лесмана является не только выпавшим звеном из многолетней переписки, но и безусловным эпистолярным «уником». В культурологическом аспекте ремизовский автограф — искусный артефакт, который включает в себе квинтэссенцию индивидуального эпистолярного стиля, сочетающего мастерское владение разнообразными приемами речевой и графической стилизации, а также игровую мифологию «тайного» общества. В содержательном плане текст письма обнаруживает неизвестный сюжет, который вносит дополнительные сведения в историю отношений корреспондентов и, отчасти, в историю образований известных архивных фондов и музеев РСФСР.

---

¹ Введение в научный оборот термина см.: *Якобсон Р.* Заметки о прозе поэта Пастернака // *Якобсон Р.* Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М., 1987. С. 324–338.

² Подробнее историю текста и постановки см. в наших комментариях к тому: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 12: Русалия. СПб., 2016. С. 775–800.

³ Исследование культурного феномена игры см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.: далее: *Обатнина, 2001.*

⁴ Кроме одного письма Щеголеву, которому посвящена настоящая статья, лекция содержит письмо В. К. Каратыгину от 14 дек. 2014 г. См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / сост. М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко, Д. П. Архипова, А. Х. Горфункель, Р. П. Дмитриева, Т. Р. Руди. М., 1989. С. 313; далее: *Лесман, 1989.*

⁵ *Ремизов А. М.* Письма П. Е. Щеголеву (1902–1921) — РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479–1610. 223 л.

Начальнику Архивы Федеративной
Российской республики
доктору русской словесности⁶
Князю обезьянью <sic!>⁷ и кавалеру обезьяньего знака
I ст<епени> с хвостом и лапою
Павлу Елисеевичу
Щеголеву

Прошение

Пишет мне Иван Сергеев Рукавишников, что в Новгороде Нижнем хлопочут по устройству нового большого музея. Составляют систематический каталог отдела Русской Старины. И хотелось бы, чтобы мы приняли участие. Посылает от Ниж<егородского> Сов<ета> Раб<очих> и Крест<ьянских> Деп<утатов> разрешение о въезде и проживании в Н<ижнем> Новгороде.

Проехать на летние теплые месяцы в Нижний, позаняться музейным делом нам это очень с руки.

Павел Елисеевич,
причислите нас к Архиве и командировку
дайте в Нижний для устройства музея
да жалованье положите какое, а то пропадешь.

Серафима Павловна, действительный член С<анкт>-петербургского Археологического института,⁸ а я член общ<еств>а Возрождения художественной Руси и нижегородской ученой архивной комиссии.⁹

Ускорьте дело наше, Павел Елисеевич, поговорите с Рязановым,
ч<то>б<ы> нам на Ивана Купалу (по с<тарому >/ ст<илию>
быть на месте.¹⁰

Надо и билеты заблаговременно выправить и взять удостоверения обратные
да и по дому распорядиться

---

⁶ Подразумевается ученая степень «почетного доктора русской словесности», которая была утверждена Советом Юрьевского университета по представлению историко-филологического факультета 8 декабря 1917 г. Диплом от 26 января 1918 г. хранится в РО ИМЛИ (ф. 28, оп. 1, д. 3, л. 1–2).

⁷ Аналогичное написание сохранено в обезьяньей грамоте Щеголева (РО ИРЛИ, Р I, оп. 3, № 126, л. 9; опубл.: *Обатнина*, 2001. С. 14–15).

⁸ С. П. Ремизова-Довгелло училась в институте в 1909–1912 гг. О дипломе см.: *Грачева А. М.* «Я, последний книгописец...»: и Россия сквозь грани писем Алексея Ремизова // *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах. СПб.: Росток, 2017. С. 718.

⁹ Речь идет о Нижегородской губернской архивной комиссии, учрежденной 13 апреля 1884 г. Деятельность комиссии началась в 1887 г. Документ о привлечении Ремизова в состав Комиссии не обнаружен.

¹⁰ Пожелания писателя приурочены к его дню рождения 6 июля (24 июня по ст. ст.).

Обезьянья палата

В<асильевский> О<стров> 14 л<иния> 31

кв. 48

20
1 VI 1918 г.

Алексей Ремизов

<печать>¹¹

В изданном Каталоге коллекции Лесмана письмо Ремизова Щеголеву аннотировано как «шуточное, в виде грамоты “Обезьяньей Палаты”». ¹² Причисление во владельческой атрибуции этого, отнюдь не шуточного, а экстренного и делового по содержанию эпистолярного текста к игровому локусу ремизовского творчества, несомненно, опиралось на уточнение «исходящего» адреса (В. О. 14 л., 31, кв. 48), по которому проживал писатель в 1917–1920 гг. Письмо Щеголеву не единственный документ в наследии Ремизова, подтверждающий факт отождествления Палаты с местом жительства писателя. В одном из альбомов Ремизова, собранном им по материалам личного архива в 1950 г., сохранились фотографии 1920-го г., на которых запечатлены реликвии обезьяньего «ордена», находившиеся в квартире на 14-й линии. Главной достопримечательностью кабинета писателя в это время стало «иконописное» изображение Верховного правителя обезьян Асыки Первого. Поясняя одну из фотографий, Ремизов оставил подпись: «Есть Асычий нерукотворенный образ — на стене написан в рост человек / Петербург / В. О. 14 л. 31/33 кв. 48 / на самом верху д<о-ма> Семенова-Тянь-Шанского¹³ / Окружение малиновое с желтым / Петербург / 1917–1920». ¹⁴

Ремизовская игра актуализировалась в военные годы как отражение настроений интеллигенции, предчувствующей приближение катастрофических потрясений в многовековом государственном устройстве. Между тем, импульсом для ремизовской шутки, которая, вероятнее всего, имела спонтанный характер, послужило долгожданное событие в его творческой жизни. В самом начале 1916 г. в Москве начались репетиции постановки «Трагедии о Иуде...», так и не пробившейся на театральные подмостки со времени публикации в 1909 г. Писатель был в предвкушении премьеры, и мотив награждения тайными обезьяньими знаками, заимствованный из пьесы, в ситуации повседневной российской жизни, неуклонно погружающейся в революционный кризис,

¹¹ Текст прошения написан на кальке черной и красной тушью. Публикуется в соответствии с правилами современной орфографии.

¹² Лесман, 1989. С. 326.

¹³ Семенов-Тянь-Шанский Дмитрий Петрович (1852–1917) — сын известного ученого-географа П. П. Семенова-Тянь-Шанского, живший в этом же доме с семьей. По документам владелицей этого доходного дома являлась его жена Евгения Михайловна Семенова-Тянь-Шанская.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 54, л. 13.

получил новое осмысление и применение. Идея знаков и грамот поддерживала фантазию, в сатирической форме противопоставившую российскому самодержавию новый государственный аппарат, в котором руководящие посты были распределены между близкими друзьями писателя, назначенными «сенаторами» закрепленных за ними ведомств.¹⁵ Щеголев среди друзей Ремизова стал первым обладателем тайного обезьяньего знака. Несомненно, рисуя картонный «орден» для старинного друга, он держал в памяти реплику одного из героев своей пьесы, сказанную в адрес Обезьяньего царя: «Что за дурацкие причуды: навязать носить эти обезьяньи знаки. Да с таким сокровищем на шее, если не прикрываться, никуда и носа не покажешь. Всякий тебя на смех подымет».¹⁶

Геральдическая символика щеголевской «награды» представляет собой «арабеску» на тему, которую герои пьесы заменяли различными скабрёзными намеками, поддержанными сценическими приемами. В центре рисунка было явлено изображение фаллоса-дракона, а по бокам располагались его графические эвфемизмы в виде хвостов.¹⁷ Такой отличительный «тайный» знак получал дешифровку сразу в нескольких семиотических областях, отвечающих веселому нраву и научным интересам Щеголева — в диапазоне от дружеских союзов, связанных с именем А. С. Пушкина, сакральной мифологии, до тайных государственных заговоров. Не случайно документ о даровании «обезьяньего знака I степени», датированный 30 декабря (12 января по новому стилю) 1916 г., содержал пояснение о мотивах награждения — «за труды на оборону Отечества», и утверждал персональные атрибуты отличия — «с хвостом и лапою».¹⁸ С этого знака, которым косвенно была отмечена деятельность Щеголева в журнале «Отечество» (Пг., 1914—1915) и, вероятно, выход его книги «Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы» (Пг., 1916), — начинается формирование эстетики наградных документов Обезвельволпала. Уже 26 января 1917 г. последовало «повышение»: Щеголев был удостоен Обезьяньей грамоты как «сенатор Заячьего ведомства».¹⁹ Первый в истории Обезвельволпала шуточный документ, заверенный оригинальными автографами

¹⁵ Ср. запись в дневнике сенатора «заячьего ведомства» от 5 марта 1917: «К концу апреля написать и отправить Корнею Ивановичу Чуковскому для “Нивы” (Улица Гоголя, 22) 300 строк о Ремизове про Обезьянье ведомство» (*Пришвин М. М. Дневники: 1914—1917 / подгот. Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб. 2007. С. 381*).

¹⁶ *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 12: Русалия. С. 79.*

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479—1619, л. 216: опубл.: *Обатнина, 2001*; раздел «Коллекция».

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479—1619, л. 217; опубл.: Там же.

¹⁹ Выдумка «Заячьего ведомства» изначально принадлежала М. М. Пришвину, которое он учредил «внутри Министерства Торговли и Промышленности», где, по его собственным словам, он «служил, укрываясь от войны, делопроизводителем отдела “Военного Времени”» (*Пришвин М. М. Дневники: 1914—1917. С. 381*).

членов, вошедших в первый состав Палаты, представляет собой раритет, на котором запечатлелось единственное в галерее автопортретов Ремизова его изображение в короне, косвенно подтверждающее самоидентификацию писателя с Обезьяньим царем. Согласно этой жалованной наградной бумаге, в перечне заслуг называлась, очевидно, основная причина — «за начал литературный», по которой Щеголев удостоился звания «старейшины».²⁰

Постепенно обезьяньий «табель о рангах» вошел в литературный быт. В переписке с писателем его корреспонденты, посвященные в «тайное» общество, подписывались соответственно своему обезьяньему «чину».²¹ Таким образом, игровая мифология довольно скоро потеряла сугубо шуточные коннотации и стала прямым подтверждением союза целой группы литераторов,²² в эпистолярном наследии которых документы, окруженные мифологической оболочкой и атрибутикой Обезвельволпала, нередко являются ценным источником для детализации биографии как создателя общества, так и представителей его дружеского окружения. Прежде чем раскрыть связь между первыми обезьяньими наградами Щеголева и письмом Ремизова 1918 года, обратимся к раннему периоду взаимоотношений двух корреспондентов, который уже получил подробное описание в ремизоведческих исследованиях.²³

Павел Елисеевич Щеголев в течение всей истории дружбы, начавшейся в 1901 г. в условиях вологодской политической ссылки, безоговорочно почитался Ремизовым как «крестный», способствовавший формированию его литературной личности.²⁴ Известно, что с первых университетских лет Щеголев заявил о себе как одаренный филолог,

²⁰ РО ИРЛИ, Р I, оп. 3, № 126, л. 9; опубли.: *Обатнина*, 2001, С. 14–16.

²¹ Ср. в частности: Андрей Белый и А. М. Ремизов: Переписка / вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы / отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2011. С. 500–501.

²² См. список старейшин, кавалеров и кандидатов в кавалеры Обезьяньего ведомства в списке подписей на обезьяньей грамоте Щеголева (*Обатнина Е.*, 2001. С. 14–15).

²³ См.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902–1903) / публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 121–177; Академик Павел Елисеевич Щеголев, 1901–1903 / публ. Е. Р. Обатниной // Там же. С. 178–193; *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб., 2000. С. 30–35; Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 153–205.

²⁴ Ср. некролог Щеголеву: «...помяну старого товарища и моего литературного “крестного” (воистину “крестного”!) помогшего мне положить начал в моей трудной “словесной” работе, читая публично еще никогда не напечатанные произведения никому неизвестного автора и стараясь устроить их в печати...» (*Ремизов А. П. Е. Щеголев, 1877–1931 // Последние новости. 1931. 29 янв. № 3599. С. 3*; См. также: *Ремизов А.* Встречи: Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 267).

под руководством А. Н. Веселовского занимавшийся исследованием отреченных памятников русской письменности. Другой сферой приложения научного познания стала для него работа с архивными источниками. Даже в условиях гласного надзора полиции в Полтаве, он добился возможности работать с материалами семейного архива Гоголей-Яновских, по документам которого в журналах «Исторический вестник» и «Литературный вестник» за 1902 г. появились его три статьи, посвященные биографии классика. Согласно воспоминаниям Ремизова, в компании вологодских друзей-ссылных Щеголеву за эрудицию и страсть к научной работе прочили превосходную карьеру и прозвали «академиком».²⁵ Его яркая личность и литературные интересы во многом повлияли на основные направления творческого развития будущего писателя. Именно отчисленный студент Санкт-Петербургского университета в судьбе своего московского ровесника, до ареста увлекавшегося биологией и философией,²⁶ сыграл роль проводника в неизвестные ранее сферы, такие как история неканонической книжности и архивистика, ставшие впоследствии маркерами его творческого кредо. Результаты самостоятельного погружения в научную литературу и древнерусские тексты-источники стали очевидными уже в 1907 г., после выхода книжечки «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб.: Оры), открывшей Ремизову двери не только в большую литературу, но и в мир ученых-медиевистов.²⁷ Начиная с 1910 г., архивные изыскания, позволившие молодому писателю познакомиться с семейной перепиской известных представителей русской дворянской культуры, становятся неотъемлемым предметом его творческой работы. Со временем он скопирует в архивах А. А. Рачинской, Д. В. Философова, в родовом архиве его жены Ремизовой-Довгелло обширный корпус документов эпистолярной культуры дворянских родов XVIII—XIX вв. Особое значение писатель придавал образцам русской бытовой письменности простого народа. Так, возникла коллекция, охватывающая документы XIII—XX вв., начало которой было положено в России и продолжено в эмиграции.²⁸

²⁵ Ср.: «Между прочим, вологжане из почтения называли его не иначе, как “академик Щеголев”, некоторые же, как С. Л. Сегаль, хозяин часового магазина, гармонист и неистощимый остролов, прибавляли для еще пушшего веса “почетный”, а Константин Лукич, обер из Золотого Якоря, еще и “потомственный”, что звучало совсем по-лесковски: “высоко-обер-преподобие”» (*Ремизов А. М. Собр. соч.* в 10 т. М., 2001. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 243).

²⁶ Подробнее см. во вступ. статье А. М. Грачевой к публикации: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902–1903). С. 123.

²⁷ Исследование взаимосвязей писателя с представителями научной школы см.: *Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура.* С. 70–100.

²⁸ Материалы этих коллекций вошли в книги Ремизова «Россия в письменах» и «В розовом блеске». Подробнее см. в комментариях к томам: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 13: Россия в письменах. С. 739–797; 908–917; *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 15: В розовом блеске. СПб., 2019. С. 811–824.

В конце 1940-х гг. Ремизов, вспоминая свою вологодскую ссылку, а именно 1902 год, использовал прозвища, которыми наделял своего товарища, соответственно масштабу его таланта и деятельности: «П. Е. Щеголев не был еще “Архивным фондом”, а всего только “почетный академик”». ²⁹ В этой короткой фразе подразумевались вехи научной деятельности Щеголева — в 1902 году потенциального академика, а в 1918 г. — управляющего I Петроградским отделением VII секции Единого государственного архивного фонда РСФСР (ЕГАФ) ³⁰ и Петроградским историко-революционным архивом», ³¹ который через два года был объединен с Московским историко-революционным отделением и образовал фундамент для Государственного архива РСФСР, ныне Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Именно эта причастность Щеголева к ЕГАФ стала основанием для письма Ремизова, написанного 20 мая 1918 г. Отметим, что несмотря на очевидную корреляцию с атрибутикой Обезвельволпала, ради точности, более правомерно атрибутировать документ из коллекции Лесмана так, как поименовал его сам автор, а именно «Прошение» — офи-

---

²⁹ Ремизов А. М. «Пруд» // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 14: Звезда надзвездная. СПб., 2018. С. 240. Невнимательное прочтение этой фразы положило начало цепочке исследовательских ошибок, касающихся авторитета Щеголева среди вологодских друзей-ссылных. Вместо распространенного прозвища «академик» (см. примеч. 25) в научной и научно-популярной литературе ему последовательно стали приписывать образованное по синекдохическому принципу «звание», которое могло родиться только в языковой ситуации советского времени и было дано Ремизовым — «Архивные фонды». Источником этой утвердившейся небрежности к содержанию авторского текста, игнорирующей оборот «не был еще... а всего только», стала статья исследователя-ремизоведа Ю. В. Розанова «Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века», в которой, в частности, находим утверждение: «...ссылный революционер Щеголев, естественно, не мог регулярно и подолгу работать в столичных хранилищах. Но проблемы не было. Ремизов вспоминает, что его товарищу постоянно присылали из Петербурга или Москвы тюки и ящики с архивными материалами. Таким образом, в Вологде побывала, например, переписка Гоголя. С этим, конечно, связано и вологодское прозвище Щеголева — Архивный Фонд. Велика его роль в историческом и историко-литературном образовании товарищей» (Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 1. (<https://www.booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/15.htm>; дата обращения: 01.04.20). Весь пассаж отражает игру воображения исследователя, нарисовавшего картину хлестаковского размаха. Эта же «натяжка» возникла и в книге биографа О. Д. Волкогоновой — автора книги «Бердяев» в серии «Жизнь замечательных людей» (М.: Молодая гвардия, 2010. С. 222); ошибку также повторила автор научных работ, посвященных вологодскому периоду творчества Ремизова, Н. С. Жернова в статье «Мужской образ в северных текстах А. М. Ремизова» (Рябининские чтения — 2019. Петрозаводск, 2019. С. 509—511).

³⁰ В архиве Щеголева сохранился пропуск на его имя, выданный Государственным Архивным Фондом РСФСР, предоставляющий право входа в помещение архива I Петроградского отделения VII секции (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 5, № 33).

³¹ См.: История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2010. С. 34, 571.

циальное ходатайство, стилизованное под древнерусские письменные документы (грамоты) с элементами авторской мифологии Обезьянней Великой и Вольной палаты. Текст документа заключает в себе реалистическое содержание, однако его оформление приближено к некому условному историческому образу древнерусской челобитной времен Царя Алексея Михайловича, поскольку именно исторические реалии XVII века стали основными источниками для стилистического формирования делопроизводства Обезвельволпала и теневого образа «канцеляриста» Ремизова.³² Письмо, написанное на тонкой кальке, напоминает пергаменные рукописи. По своей графике текст ориентирован на древнерусские рукописные источники: смысловые отрезки начинаются с выделенной красной тушью буквы — так называемой буквицы. Некоторые обороты («Пишет мне Иван Сергеев Рукавишников»; стилистически сближаются с оборотами челобитных и сохраняют особенности древнерусской грамматики («причислите нас к Архиве...»).

Таким образом, все содержание документа поддерживает тему «русской старины», ради которой податель «Прошения» вознамерился в условиях гражданской войны, когда въезд в города осуществлялся под контролем советской власти, без промедлений держать путь из Петрограда в Нижний Новгород. Графическое оформление и стилистические обороты, создающие семиотическую проекцию на образцы древнерусского делопроизводства, в ремизовской «челобитной» дополнены красной сургучной печатью в конце текста и на конверте с указанием домашнего адреса Щеголева на Большой Дворянской, 10. Описание этого оттиска находим в очерке «Печати: Резь всяческая» (1917), в котором Ремизов рассказывает о коллекции печатей, эмблемы и кодовые надписи на которых он «прочитал», как «письмена», характеризующие их владельцев и сферу применения в бытовой культуре. Один из этих сфрагистических «носителей» информации, как теперь без сомнения мы можем утверждать, принадлежал Ремизову:

«Печать безымянная, а говорит она мне больше всех.

В треугольнике крест, пылающее сердце и якорь

— в с ѣ х м о е б л а ж е н с т в о —

Это отпечаток нежной женской руки и души жестокой <...>»³³

Эмблемная композиция конкретной печати в контексте «Прошения», адресованного Щеголеву, полностью дезавуируется, оставаясь лишь функциональной сигнатурой, скрепляющей важность содержания и подлинность авторской подписи. Однако привлечение к оформлению «Прошения» старинной печати, придает всему документу особенную археологическую ценность. Совокупность внешних стилистических приемов, используемых Ремизовым в его спонтанном, судя по содержанию, письме раскрывает образ художественного мышления

³² Очертания этой проблемы намечены нами в кн.: *Обатнина Е., 2001.* С. 118—119.

³³ *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах.* С. 132.

писателя, который стремился к образованию коннотативных сцеплений между содержательным планом и декоративным оформлением текста, создавая артефакты — вещественные памятники творческой мысли.

«Прошение» из коллекции Лесмана открывает жанр челобитных, получивший в биографии Ремизова развитие в нескольких «перлах» деловой переписки писателя, стиль которой в условиях власти большевиков был намерено разыгран в диспозиции «хозяева и холопы». Сохранилось несколько подобных обращений. Например, от 24 ноября 1919 г., адресованное —

Заведующей петроградским отделом театров
и зрелищ Марии Федоровне Андреевой
Валенковое прошение

По несчастному обстоятельству прошу о валенках. Стыть и стужа побирают все семь шкурков моих, а пуще того ноги околели.³⁴

В Отдел снабжения Петрокоммуны 26 янв. 1921 также было подано «Прошение о ботинках и калошах», впоследствии украсившее коллекцию Л. А. Глезера.³⁵ В дневнике писателя обнаружен замысел еще одного, относящегося к началу зимы 1919 г.:

Думал: подам прошение Совет<у> Народ<ных> Комис<саров> расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать. Ничего не пишу. Только старое, старое, старое, чтобы только к<ак>-н<и>б<удь> прожить.³⁶

Ремизовское «Прошение» Щеголеву, хотя и связано с тяготами постреволюционной жизни, является редким по тем временам свидетельством оптимистического настроения писателя на ближайшее будущее: когда появилась возможность практического приложения собственных творческих интересов, связанных с изучением архивов и русской бытовой культуры, а также случай — скрыться из Петрограда в провинцию, где, как могло казаться на расстоянии, жизнь была безопаснее, — чтобы переждать большевистский режим, в устойчивость которого не хотелось верить. В архиве Ремизова действительно сохранилось письмо Ивана Сергеевича Рукавишников (1877—1930), с которым писатель в 1915—1916 гг. сотрудничал, пытаясь организовать и издать различные сборники, так и не дошедшие до печатного станка.³⁷

³⁴ РГАЛИ, ф. 420, № 87, на «Прошении» сохранилась виза М. Ф. Андреевой: «Убедительно прошу удовлетворить».

³⁵ См.: Глезер Л. А. Записки букиниста. М., 1989. С. 225—227.

³⁶ Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 505.

³⁷ История этих несостоявшихся изданий частично отражена в переписке: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3. № 175.

15 июня 1918 г. Рукавишников писал:

Дорогой Алексей Михайлович,

Ожидаем Вас в Нижнем. Кроме понятного желания Вас видеть есть надежда на Вашу помощь.

Дело в том, что мы тут хлопочем по устройству нового большого музея. Очень бы хотелось, чтобы Вы приложили руку к составлению систематического каталога отдела Русской старины: ткани, дерево, глина и пр. Хотелось бы поскорее и хотелось бы, чтобы Вы успели принять участие в расстановке коллекции.³⁸

Нашлось среди документов личного фонда Ремизова и упомянутое удостоверение на бланке Отдела Гражданского Управления при Нижегородском Совете Рабочих и Крестьянских Депутатов, зарегистрированное в тот же день – 15 июня, когда Рукавишников отправил свое письмо Ремизову. Удостоверение предоставляло разрешение «гражданам Алексею Михайловичу и Серафиме Павловне Ремизовым на въезд и проживание в городе Н.-Новгороде».³⁹ Сроки пребывания не оговаривались.

Иван Сергеевич Рукавишников вместе со своим братом, скульптором Митрофаном Сергеевичем (1887–1946), являлись наследниками одной из богатых купеческих семей Нижнего. Дом Рукавишниковых на Верхне-Волжской набережной, называемый в городе «палаццо на Откосе», после революции подлежал реквизиции и в соответствии с постановлением Исполкома Нижегородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 26 (13) февраля 1918 г. предназначался под «Народный художественный музей». Характерно, что братья Рукавишниковы приняли самое деятельное участие в организации музея⁴⁰ и создали экспертный Совет, в который и был приглашен Ремизов с супругой.

Таким образом, писатель в день получения письма из Нижнего обратился к Щеголеву, вошедшему в административный аппарат музейно-архивного чиновничества новой власти, с просьбой содействовать его командировке. Однако тональность челом бьющего просителя в этом письме явно перебивается модальностью, более присущей теневой фигуре обезьяньего мифа, царю Асыке. Обезьяний царь определенно не только дает распоряжения относительно жалования, но даже поручает Щеголеву согласовать свое дело с другим советским руководителем – с Давидом Борисовичем Рязановым (1870–1938), который

³⁸ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3. № 175, л. 27–28.

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 1, л. 17.

⁴⁰ Подробнее см.: *Уткина Н. А.* Строительство Нижегородского художественного и исторического музея в 1918–1924 гг. // Музей – Памятник – Наследие. 2018. № 2 (4). С. 8–9.

в 1918—1920 гг. исполнял обязанности заведующего Главным управлением архивным делом при Наркомпросе РСФСР. У нас нет документальных подтверждений, какова была реакция Щеголева. Но надо понимать, что основания Ремизова для такой командировки не могли быть поставлены под сомнение. К этому времени Ремизов в кругу литераторов и архивистов заслужил авторитет знатока как иконописных, так и легендарных сюжетов памятников русской ветхозаветной и новозаветной русской письменности, а его супруга С. П. Ремизова-Довгелло являлась дипломированным палеографом, выпускницей Петербургского Археологического института.⁴¹

Поездка в Нижний Новгород так и не состоялась. Обозревая ситуацию вокруг музея, сложившуюся летом 1918 г., можно лишь сказать, что Ремизовы были спасены от самых необратимых последствий этой командировки. Р. Л. Розенталь, — молодой заведующий музеем, в августе 1919 г. принявший фонды, созданные братьями Рукавишниковыми, недавний выпускник Санкт-Петербургского историко-филологического факультета, впоследствии известный искусствовед, вспоминал о деятельности учредителей музея, граничащей с авантюризмом и некомпетентностью: «Два брата Рукавишниковых, Иван Сергеевич (плодовитый писатель-декадент, по легкости поэтического творчества и графоман, а также стойкости в пристрастии к алкоголю следовавший за Бальмонтом) и Митрофан Сергеевич — Митроша (скульптор, учившийся в Италии, умело высекавший из мрамора слащавые портретные бюсты, что обеспечило ему возможность пристроиться в дальнейшем при Институте Маркса—Энгельса—Ленина) возглавили некий художественный совет. Совет ведал музеями и охраной памятников. В совет — это я точно помню — входили учитель рисования Гейне, архитектор Валериан Андреевич Волошинов, наверно, также начинающий художник Федор Семенович Богородский, видный руководитель народными художественными промыслами, художник Александр Нилович Дурново, вероятно, и старый художник — педагог Ликин. Этот художественный совет за какие-то вольности и провинности (не политические, а бытовые) вызвал неудовольство губисполкома. Иван Сергеевич уехал в Москву, где его жена стала комиссаром по делам цирка и пользовалась доверием Луначарского».⁴² Как установили историки Нижнего Новгорода, довольно скоро члены комиссии по организации музея оказались в поле зрения местной Чека. По ордерам борьбы с контрреволюцией осенью была арестована Н. С. Рукавишникова — жена

---

⁴¹ См. примеч. 9.

⁴² *Розенталь Л. В.* К истории Нижегородского художественного музея / публ. Ю. Г. Галая // Нижегородский музей. 2015. № 8. С. 6. Нина Сергеевна Рукавишникова возглавила образованное в 1922 г. из секции Наркомпроса Центральное управление государственными цирками.

И. С. Рукавишникова. Преследования заставили бывших владельцев «палаццо на Откосе» бросить родовое гнездо и переехать в Москву.⁴³

Ремизов, едва пережив петроградскую зиму 1918/1919 гг., готовился к отъезду из России. С этого времени часть его личного архива вливается в архивные фонды Отдела рукописей национализированной Императорской публичной библиотеки. В 1920 году он передал в Отдел Рукописей часть обработанного им архива домашней переписки представителей рода Философовых.⁴⁴ Тогда же Публичная библиотека купила у писателя несколько рукописных книг. Это были пергаменные Служебники XIV века и рукописный сборник XVII в., о чем имеется запись в реестре книг, находящемся в отделе архивных документов.⁴⁵

За десять дней до своего побега за границу (25 июля 1921 г.) Ремизов отправил Щеголеву очередное «деловое» письмо, по своим принципам художественности аналогичное попавшему в коллекцию Лесмана. В это время Щеголев как историк революционного движения занимается созданием Государственного музея революции, учрежденного 19 октября 1919 г. Если текст письма 1918 г., в соответствии с изложенной Ремизовым проблемой, содержал в себе проекцию на исторические документы «русской старины», то последнее «обращение» в их переписке длинную в 19 лет было принципиально написано на «новоязе» революционного времени, содержащем неслыханные в прежние времена аббревиатуры:

В музей революции

Голове, нарядчику и уставщику музрев

Павлу Елисеевичу Щеголеву

старей<шему> кн<язю> обез<ьяньим> и кавал<еру>

обез<ьяньего> зн<ака> с хвост<ом> и удобез<ьяньим>

пер<вой> степ<ени>.

В музрев прощу принять о И. П. Каляеве, икону Воскресения и московск<ую-?> декабрь <19>05 г.

Алексей Ремизов

Воспоминания о И. П. Каляеве

и о цветах пасхальных

и о стихах —

---

⁴³ См.: Уткина Н. А. Строительство Нижегородского художественного и исторического музея в 1918—1924 гг. С. 11.

⁴⁴ Архивные материалы рода Философовых в обработке Ремизова, сохранявшиеся в его парижском архиве, составили опись 2 (104 ед. хр) в личном фонде писателя в РГАЛИ (ф. 420). См. также о работе Ремизова над семейным архивом Философовых: Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 369—371, а также коммент. к изд.: Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах (см. примеч. 28).

⁴⁵ ОР РНБ, ф. 2, оп. 2, № 94, л. 69 об.

память вологодскую
напишу как только очеловечусь
Алексей Ремизов <монограмма>
<«собственнохвостная» подпись Царя Асыки>.
Петербург 25 VII 1921⁴⁶

И на этот раз Ремизов в своем эпистолярном искусстве выдержал канон соответствия формы и содержания. В личном архиве писателя собрался ценный материал, касающийся узников Шлиссельбургской крепости, и прежде всего И. П. Каляева, с которым в 1902–1903 гг. Ремизова связывали дружеские отношения, а также совместный опыт первых литературных работ и публикаций в ярославской газете «Северный край».⁴⁷ Как непосредственный участник революционного движения, бывший ссыльный, писатель, таким образом, стремился внести свой вклад в музейные фонды, желая сохранить на скрижалях памяти отнюдь не образ непреклонного революционера, но интеллигента, в политической ссылке начавшего свой литературный путь, не пересекавшийся более с политикой.

В 1921 г. обезьяний росчерк Царя Асыки, поставленный в конце письма, был уже привычной резолюцией в официальной и личной переписке канцеляриуса с членами Палаты.⁴⁸ Мифология «тайного» общества требовала соблюдения иерархии. «Верховный властитель всех обезьян и всех, кто к ним присоединился» был едва ли не божеством, незримо присутствуя в деятельности общества: «о нем никто ничего не знает, и его никто никогда не видел».⁴⁹ Материальным подтверждением существования Асыки Первого служила лишь его зигзагообразная «подпись» на обезьяньих грамотах, сделанная размашистым росчерком хвоста, разнообразные варианты которой появились на документах, скрепленных канцеляристом, не ранее 1920 года.

Между тем, лишь благодаря собранию автографов М. С. Лесмана обнаружилось единственное в своем роде документальное подтверждение «явления» Обезьяньего царя. Среди коллекции дарственных надписей, собранных Лесманом, оказался авантитул сборника Юрия Верховского «Разные стихотворения», выпущенного московским издательством «Скорпион» в 1908 году и подписанный автором для А. В. Тырковой в ноябре. Неизвестно, при каких обстоятельствах под лапидарной адресацией оказалась подпись рукой Ремизова: «Выдать

⁴⁶ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479–1610, л. 225.

⁴⁷ См. о нем: *Ремизов А. М.* Собр. соч. в 10 т. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 441–442

⁴⁸ В 1919 г. впервые был опубликован «Манифест» Обезьяньего царя (Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 142–143, в разделе «Тулумбас»).

⁴⁹ Цит. по тексту «Конституции» Обезвельволпала: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 207.

Ариадне Владимировне Тырковой / А. Вергежскому⁵⁰ / разрешаю. Обезьяний Царь».⁵¹ В 1908 г. Ремизов уже подготовил к печати свою «Трагедию о Иуде принце Искаротском» и после августовского приезда в Москву, где в играх с маленькой племянницей возникла идея тайного знака «для ношения»,⁵² уже успел добавить в пьесу мотив «обезьяньих» наград. В ноябре, когда Обезьяний царь оставил свою «резолюцию» на авантитуле поэтического сборника Верховского, триумфальный выход мифического героя уже готовился на сцене театра В. Ф. Коммиссаржевской, а публикация «Трагедии о Иуде...» по обещаниям журнала «Золотое Руно» ожидалась в первом номере 1909 года. Однако уже в декабре возникли цензурные препятствия, которые разрушили все надежды.⁵³ Так, еще до официального вхождения в историю русской литературы XX века Обезьяний царь, не подчиняясь правилам и законам официальной истории, стал «действующим лицом» литературного быта русского модернизма.

Библиографический список

1. Академик Павел Елисеевич Щеголев, 1901–1903 / публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 178–193.
2. Андрей Белый и А. М. Ремизов: Переписка / вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы / отв. Ред. Н. Ю. Грякалова. СПб.: «Пушкинский Дом», 2011.
3. *Глезер Л. А.* Записки букиниста. М.: Книга, 1989.
4. *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 333 С. (Studiolum Slavicorum Monumenta; Т. 19).
5. История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С. В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
6. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М: Книга, 1989.
7. *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
8. Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 369–371

⁵⁰ *Тыркова А. В.* (в замуж. Берман, Вильямс; лит. псевдоним: А. Вергежский; 1969–1962) — писатель. общественный деятель.

⁵¹ РО ИРЛИ, ф. 840 (в обработке). См. также: *Лесман, 1989*. С. 381.

⁵² См. об этом: *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / изд. подгот. Е. Р. Обатниной. СПб., 2011 (Литературные памятники). С. 39–40; . На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло. 1908 год / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 3. 2014. С. 142–185.

⁵³ См. примеч. 2.

9. Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 153–205.
10. Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902–1903) / публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 121–177.
11. *Пришвин М. М.* Дневники: 1914–1917 / Подгот. Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб.: Росток, 2007. 607 с.
12. *Ремизов А.* Встречи: Петербургский буерак. Париж: LEV, 1981.
13. *Ремизов А. М.* Собр. соч. в 10 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень.
14. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 12: Русалия. СПб.: Росток, 2016.
15. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах. СПб.: Росток, 2017.
16. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 14: Звезда надзвездная. СПб., 2018.
17. *Розанов Ю. В.* Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века // Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 1. (<https://www.booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/15.htm>)
18. *Розенталь Л. В.* К истории Нижегородского художественного музея / публ. Ю. Г. Галая // Нижегородский музей. 2015. № 8. С. 6–11.
19. *Уткина Н. А.* Строительство Нижегородского художественного и исторического музея в 1918–1924 гг. // Музей – Памятник – Наследие. 2018. № 2 (4). С. 5–15.
20. *Якобсон Р.* Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987.